

СКАЗКИ ПРОСТОГО КАРАНДАША

— Странный Вы... — так всегда говорил Простому Карандашу Ночник. Ночник — это светильник, который ночью светит, профессия у него такая. — ...странный Вы! Да. Зачем Вы пишете сказки?

— Чтобы они были, — отвечал Простой Карандаш, не отрываясь от бумаги: он как раз сейчас заканчивал новую сказку о Прекрасной Принцессе.

— И что же будет, когда Вы напишете эту сказку?

— Будет сказка, — улыбался Простой Карандаш. — Ещё одна сказка.

— Понятно. И Вашу сказку опять положат в стол и запрут там на ключ!

Простой Карандаш останавливался и вздыхал. Ночник говорил правду. Сказки Простого Карандаша всегда клали в стол и запирали на ключ. От этого было очень грустно. Всякому станет грустно, если его сказки запрут на ключ.

— Может быть, — допытывался Ночник, — Вы пишете плохие сказки? Иначе их не запирали бы на ключ, а?

— Может быть, и плохие, — покорно повторял за Ночником Простой Карандаш, чтобы снова и снова не спорить с ним.

Сам-то он знал, что пишет хорошие сказки. Его сказки были простые, а простая сказка — это и значит хорошая. Только сказки всё равно попадали в стол и пропадали в столе. Стол был огромным, и ящик в нём был огромным — как пропасть.

Простой Карандаш писал, а Ночник светил.

«Странный он! — думал Простой Карандаш о Ночнике. — Спрашивает, зачем я пишу сказки, которые запирают на ключ. А сам-то он зачем светит по ночам, когда все спят? Странный он. Да...»

Но Простой Карандаш, понятное дело, никогда не произносил этого вслух.

Ему, конечно же, очень хотелось заглянуть в стол — не тесно ли там его сказкам. Он забыл уже, сколько их: он давно сбился со счёта. Всех теперь, пожалуй, и не вспомнить: самая первая появилась тогда, когда Простой Карандаш был ещё совсем большим. Ведь у карандашей всё не как у людей: люди рождаются маленькими — потом вырастают большими. Карандаши же, наоборот, рождаются большими, а потом становятся маленькими — и в этом их старость. Чем чаще карандаш затачивают, тем он старше.

Наш Простой Карандаш был пока не очень маленьким, но уже и не очень большим. Вот только в последнее время он как-то быстро стал уменьшаться: наверное, потому, что теперь, записывая сказки, всё сильнее волновался — ну и ломался от этого. Его, разумеется, сразу опять затачивали... в общем, Простой Карандаш старился на глазах.

А в стол Простой Карандаш, значит, не пускали. К утру его обычно ставили в специальный стаканчик, где жили цветные родственники Простого Карандаша. Они очень гордились своей нескончаемой юностью и громадным своим ростом.

— Ты неудачник, — говорили цветные карандаши Простому. — Корпишь над какой-то ерундой, которую всё равно никто не читает! Брал бы пример с нас: мы не размениваемся на пустяки. Мы разрешаем пользоваться собой только тогда, когда надо подчеркнуть какую-нибудь особенно важную мысль.

Простой Карандаш устало кивал в ответ, но, едва лишь наступала ночь, опять исчезал из стаканчика — нестись по ослепительному листу бумаги за всё время убегавшей принцессой. Такова уж была его судьба, да оно и понятно: простые сказки удобнее всего писать простым карандашом.

Однажды ночью Ночник щёлкнул и перестал светить.

— Хватит! — сказал он в сердцах. — Мне надое-
ло. Я не хочу больше тратить на Вас свет. Всё равно
от Ваших сказок никакого проку.

И Простой Карандаш начал писать при свете
Луны. Луне ведь света ни для кого не жалко. Тем
более что, освещая стол, Луна нет-нет да и бросала
взгляд на сказки. А как-то призналась:

— Ты хорошо пишешь. Я люблю твоих принцев
и принцесс. Мне от них ещё грустнее на свете.

До сих пор Простому Карандашу никогда не го-
ворили ничего подобного. Ведь сказок его никто не
читал: они лежали в столе, а стол был заперт на
ключ!

Простой Карандаш вздрогнул — и от растерян-
ности даже упал на пол. Его пришлось затачи-
вать — причём не один раз, а два, потому что он
сломался ещё и внутри. Но мы-то с вами знаем:
когда у нас что-то ломается внутри, наши сказки
становятся лучше. Так произошло и сейчас: новая
сказка о Прекрасной Принцессе оказалась само со-
вершенство — всё в ней было не так, как в жизни...
а ведь для сказки это самое главное!

Настал день, когда Простой Карандаш заточили
в последний раз.

Увы, теперь его осталось только на одну сказку,
причём совсем коротенькую. И тогда Простой Ка-
рандаш написал Сказку о Вечной Жизни. А наутро
его выбросили в мусорное ведро.

Цветные родственники Простого Карандаша
вспоминали о нём с нежностью, но без грусти. Они
все ещё были молодыми и полными сил, потому
что никогда не разменивались на пустяки и раз-
решали пользоваться собой только тогда, когда

надо было подчеркнуть особенно важную мысль. А особенно важные мысли, как известно, приходят редко.

Тем бы и закончилась наша простая история о Простом Карандаше, если бы однажды кто-то не забыл задвинуть ящик письменного стола. И тогда — через щёлочку — сказки Простого Карандаша, словно птицы, выпорхнули наружу и разлетелись по всему свету. Люди прочли их и полюбили. Простой Карандаш, правда, уже не узнал об этом. Но мы-то с вами знаем, что сказки не запереть на ключ.

СЕРДЕЧКО, ВЫРЕЗАННОЕ ИЗ КАРТОНА

Когда Сердечко вырезали из картона, оно страшно обрадовалось: одно дело быть нарисованным и совсем другое — вырезанным! Хотя, конечно, послушать некоторых нарисованных — так они чуть ли не живее всех живых... только это враньё: в лучшем случае эти нарисованные — как живые, то есть очень похожи на живых. Однако быть живым и быть похожим на живого совершенно не одно и то же! Живой куда хочет, туда и идёт, а похожий на живого остаётся там, где оставили.

Но, значит, если тебя вырезали, ты уж точно живой и можешь отправляться куда хочешь. Ты теперь сам по себе, а картон, из которого ты вырезан, — сам по себе: между вами больше нет ничего общего. Вас даже обратно уже не соединить!

Вот Сердечко-Вырезанное-из-Картона и собралось отправиться... только куда?

Легко сказать — иди куда хочешь... А если ты во все стороны света хочешь? Потому что у Сердеч-

ка-Вырезанного-из-Картонна было именно так: оно как раз и хотело во все стороны света!

— Я хочу во все стороны света, потому что я всех люблю! — сказало Сердечко-Вырезанное-из-Картонна. И собралось было идти, но почему-то затопталось на месте.

— Интересно как получается... — озадачилось оно, а Одна Собака взяла да и объяснила всё следующим образом:

— Вы оттого в замешательстве, что всех любить нельзя, — объяснила эта Одна Собака. — Любить можно только своего хозяина.

Сердечко-Вырезанное-из-Картонна задумалось.

— А если у меня нет хозяина?

— Так не бывает, — засмеялась Одна Собака. — Хозяин есть у каждого. Если его, конечно, не потеряли... Вы, может быть, потеряли хозяина?

— Если бы у меня был хозяин, — сказало Сердечко-Вырезанное-из-Картонна, — я бы его ни за что не потеряло!

Но Одна Собака возразила:

— Ох, не зарекайтесь! Это с каждым может случиться. Даже я, которая очень любит своего хозяина, однажды потеряла его. И стала сама не своя!

— А чья? — поинтересовалось Сердечко-Вырезанное-из-Картонна.

— Ничья! — с ужасом ответила Одна Собака. — И, уверяю Вас, страшнее ничего не придумаешь. Потому что... когда ты ничья, у тебя никого на целом свете нет. И ты скитаешься где придётся — без дома, без поводка, без еды...

— По-моему, это не так страшно, как Вы говорите, — подумав, сказало Сердечко-Вырезанное-из-

Картонна. — Дома у меня, вроде, никогда не было, поводок мне не нужен, а еда... я не голодно.

— Тогда Вы странная какая-то собака, — был ответ. — У всех собак, которых я знаю, а я знаю весьма много собак, есть дом. И поводок им нужен. И голодны они всегда.

Тут Сердечко-Вырезанное-из-Картонна расхохоталось:

— Дело в том, дорогая Одна Собака, что я не собака! Я Сердечко-Вырезанное-из-Картонна.

— До свиданья! — попрощалась Одна Собака.

— Я чем-то обидело Вас? — опешило Сердечко-Вырезанное-из-Картонна.

— Нет, что Вы! — ответила Одна Собака. — Просто пора идти на место. Хозяин только что сказал мне: «Место!»

И Одна Собака пошла на место, а Сердечко-Вырезанное-из-Картонна осталось где было, подумав: «Нет уж, пусть у меня лучше не будет хозяина, если хозяин может сказать “Место!” — и надо сразу идти... Хотя, конечно, так оно удобнее: сказали

тебе “Место!” — и ты немедленно понимаешь, в каком направлении двигаться. А тут стоишь... с ноги на ногу переминаешься — и совершенно непонятно, куда теперь».

— Я люблю всех! — опять сказало оно и опять хотело отправиться в путь, но у него опять почему-то не вышло.

— И не выйдет! — заверила его одна птичка, пролетавшая мимо. — Потому что всех любить нельзя. Можно любить только своего мужа.

— У меня нет мужа, — призналось Сердечко-Вырезанное-из-Картонa.

— Так не бывает! — сказала Одна Птичка. — Муж есть у всех. Разумеется, кроме тех, кто потерял мужа. Вы, может быть, потеряли мужа? Тогда это другое дело.

Сердечку-Вырезанному-из-Картонa показалось, что эту беседу оно уже с кем-то вело, но оно ответило:

— Если бы у меня был муж, я никогда бы его не потеряло!

— Это не всегда от Вас зависит, — поделилась опытом Одна Птичка. — Даже я, которая очень любит своего мужа, однажды оказалась в такой ситуации, когда мой муж хотел улететь... гм, к другой птичке. И я тогда стала сама не своя!

— Как собака? — спросило Сердечко-Вырезанное-из-Картонa.

— Почему — «как собака»? — возмутилась Одна Птичка. — Вовсе не как собака! Что это Вы какие странные вещи говорите, право... Но, доложу я Вам, жизнь моя мне тогда хуже собачьей казалась!

Я ведь, видите ли, на яйцах сидела, а когда на яйцах сидишь, без мужа никак нельзя!

Сердечко-Вырезанное-из-Картона хорошенько подумало, чтобы опять ненароком не задеть Одну Птичку, и в конце концов сказало:

— Я, признаюсь Вам, никогда не сидело на яйцах...

— Все птички, которых я знаю, а я знаю ужасно много птичек, время от времени сидят на яйцах! Может быть, Вы тогда не птичка никакая?

— Конечно не птичка! — улыбнулось Сердечко-Вырезанное-из-Картона. — Я Сердечко-Вырезанное-из-Картона...

Впрочем, его уже не слышали. Птичкин муж, в данный момент сидевший на яйцах вместо жены, потребовал откуда-то сверху, чтобы она немедленно возвращалась на яйца, угрожая, что иначе он улетит к другой птичке.

«Ну вот... — принялось размышлять Сердечко-Вырезанное-из-Картона. — Заведи себе мужа, а он возьмёт и улетит к другой птичке! Нет уж, пусть у меня лучше пока не будет мужа... Хотя, между нами говоря, это, конечно, удобно: велел тебе муж назад лететь — ты и летишь назад, не задумываясь! А в моём положении... ну просто совсем не знаешь, куда направиться».

Оно опять осторожно осмотрелось по сторонам и тихонько, чтобы ни одна собака и ни одна птичка его не услышала, сказало:

— Я хочу во все стороны света, потому что я всех люблю!

И — решительно сделало шаг вперёд: в направлении всех сторон света.

Тут-то все стороны света и открыли Сердечку-Вырезанному-из-Картона свои объятия, и оно пошло во все стороны света, и любило все стороны света, и все стороны света отвечали ему полной взаимностью!

Потому что никто не обязан быть собакой, и никто не обязан быть птичкой. И потому что места в мире всем достаточно — в том числе и сердечкам, вырезанным из картона.

